

«Свет его Окна»

Лирический трагифарс
(если угодно!)

«...О, выслушай моления любви,
Дай высказать все то, чем сердце полно...»
А.С. Пушкин

Рассказ о последней любви Елены Ивановны Вишневской
в Д.В.С.

Автор она же.

С чего же это началось?

Она увидела его через несколько дней, как поселилась в комфортабельном интернате, последнем ее убежище.

Уставшая от совместной жизни с молодыми, а главное, - тяжело переболев после внезапной смерти мужа, она с интересом впитывала в себя все, что несло ей новые обстоятельства. От природы наделенная неистребимым оптимизмом, остро ненавидящая страдания, она быстро оживала.

Ей нравилась ее комната. В громадное окно смотрел красавец дуб. Сейчас он был без листьев, но на фоне розовой утренней зари графически четко вырисовывалось его могучее очертание. Раздвоенный ствол переходил в сплетение фантастически изогнутых ветвей, и в раме окна возникало это прекрасное творение природы, как драгоценный подарок к ее новоселью.

Ей нравились условия жизни, вежливые взаимоотношения обитателей этого дома. Нравилась собственная позиция во всем обеспеченной женщины, за долгую жизнь

получившей, наконец, возможность никому не быть в тягость, никому не быть обязанной.

Легко рассталась она со своей семьей, легко переступила порог этого дома, легко потекли в нем первые дни новой жизни. Так с чего же началось это... это ...чему трудно подобрать название?

Ах, да! Началось с того, что она увидела Его.

Он!... Стол в светлой галерее и с кем — то

разговаривал. Седая голова, крупная — несколько мешковатая фигура, и лицо пожилого человека, сохранившего обаяние красивого мужчины.

Ей почудилось, что она давно знает его. Кого — то он напомнил ей очень известного и близкого.

Через несколько дней она сидела возле библиотеки, укладывая книги в сумку. Неожиданно появился Он и присел за тот же стол. Случайно возник какой-то пустяковый разговор, в котором этот человек успел проявить осведомленность по некоторым вопросам и наличие известного юмора.

Легкий приятный разговор.

Выяснилось, что она его не знала и знать не могла, но его лицо с живыми сероватыми глазами, кустистые седые брови, аккуратны белые усы, улыбка, манера говорить, - все оставалось каким-то необыкновенно знакомым.

На завтра, идя в столовую, она вновь увидела его, ждала, что он поздоровается с ней. Но он, почему — то, прошел мимо с каменным, суровым выражением лица.

Элементарная вежливость отсутствовала! Ей не хотелось дурно о нем думать и она успокоилась на мысли, что он просто ее не узнал.

Затем, однажды, она сидела возле медпункта. В конце галереи появился он. Еще издали узнала она его стремительную, на этот раз более чем обычно размашистую походку. У него было завязано горло, он болел, шел к врачу.

Мимо нее он прошел, как мимо неодушевленного предмета!

Это уж слишком! Перенести это было невозможно!

Через стеклянную дверь она увидела, как он сел возле кабинета. Теряя уважение к себе, она ринулась к нему и предложила для чтения интересную книгу.

Он удивленно и холодно поблагодарил ее, но книгу не взял, объяснив, что у него постельный режим, при котором читать не удобно.

Возвращалась к себе она с гадким чувством униженности. От стыда горели уши.

Привычка к элементарной вежливости терпела полное поражение! Нет! Так не должно быть, я изменю его, он станет вежливым! Прочь собственное мелкое самолюбие! - сказала она себе, и первая начала его приветствовать при встречах. Вскоре она достигла цели. Он

стал ее замечать, здороваться. Время от времени, они перебрасывались незначительными фразами. Зима в этом году отступала медленно, не охотно. Казалось тепло никак не наступит, но вот — наконец — даже дуб не выдержал, стал покрываться почками, на нем сперва появился скворец, затем прилетела его скворчиха, и начались веселые птичьи хлопоты.

А весь парк постепенно покрылся нежной зеленью, обсохли дорожки гуляющих.

Стала выходить на прогулки и она, майские праздники прошли приятно, настроение у нее неизменно было хорошее. Окружающие были с ней приветливы, заботливая дочь часто навещала ее. А весна вливала новые силы. И даже ее мучители - гадкие ноги - перестали болеть.

В один из теплых дней она пошла с книгой к излюбленной скамье, но на ней сидел Он и рядом с ним лысеющая карлица, от которой нестерпимо несло всегда никотином.

Скамьи в парке, естественно, были

общие, но деликатность не позволяла ей сесть вместе с ними. Села напротив, но ей не читалось. Почему- то очень тянуло к нему.

Обманывая себя, она решила, что ей необходимо знать что-то неизвестное в прочитанном. Спросила его на расстоянии. Ее приветливо пригласили поближе. Она для приличия поколебалась, но все же пересела к ним. Слово за слово, он оживленно и охотно объяснил ей то, что она хотела знать, потом разговор перешел на другую тему, и так разговорился, что уже вроде бы нельзя было его и прервать. Карлица едва успевала вставить одно — два слова, потом, как — то съезжилась, сморщилась вся, как сухой гриб и, наконец, ушла в дом, оставляя за собой струю ядовитого никотина.

А они не могли оторваться друг от друга. Он говорил увлеченно, красочно. Ктото из великих сказал: «Русская женщина любит красноречие» - по — видимому, он не ошибся. Она слушала, смотрела в его золотистые от солнца глаза, видела сильное лицо бывшего красавца и ловила себя на том, что он ей нравится. Какое это забытое ощущение! За тридцать лет своей последней супружеской жизни она всецело была поглощена вниманием к своему мужу. Кроме мужа никто ей не нравился. Он был красив, деликатен, ласков. После многих житейских бурь она слишком ценила эту свою последнюю, такую уютную и устойчивую брачную пристань. Ее природная чувственность и женское постепенно уступили место глубокой дружбе и духовной близости.

Последние годы муж тяжело болел, он стала для него матерью, сиделкой, исполнительницей всех его желаний. После его смерти она и сама как бы омертвела.

Разве могло ей прийти в голову, что кто-нибудь способен занять ее воображение?

А сейчас происходило что — то невероятное. Чем дальше Он говорил, тем все сильнее и сильнее она втягивалась в колдовской круг Его личности. Когда они расстались, она ушла

к себе, как пьяная.. «Я, кажется, слишком все преувеличила, поддаюсь весеннему настроению, дала волю своей фантазии» - думала она.

Однако, его образ не покидал ее, и более того - она уже знала, что видеть его, быть с ним ей необходимо.

Весь «курытник», а этот Дом и впрямь напомнил ей курятник, так как многие женщины были действительно, как старые куры — плохо соображающие, кудахтающие всякую чепуху и ревниво поглядывающие на одиноких петухов, то есть редких мужчин — обитателей этого дома. Так вот, весь «курытник» заметил эту длительную беседу и всполошился. Досужие языки постарались донести до ее сведения, как этот человек груб, плохо воспитан, как он раздражителен и вспыльчив. Некоторые из его соседок по корпусу были с ним в ссоре, считали его ужасным человеком, словом, характеризовали его очень плохо. Другие, настроенные более дружелюбно, ограничились намеками, шутивными поздравлениями, лукавыми улыбками.

Все это ее развеселило, а Он даже отважился в День Победы задержать ее возле себя вторичной беседой.

Она лихо отказалась идти на праздничное собрание с концертом и сидела, на виду у всех, как приклеенная к нему добрых 3 часа, вновь упиваясь его чарами.

Оставаясь одна она растерянно думала: «Что же со мной происходит? Почему мне так хорошо? Боже ты мой, откуда же эти чувства, эта свежая радость обновления, этот избыток сил? Фантастика, дикость! И это в мои годы!»

В разгаре был май месяц. Цвела сирень, вечерами оглушительно пели соловьи. Каждое утро она просыпалась с ощущением счастья, искала встречи с ним, неустанно ждала его. Ей казалось, что и Он с интересом относится к ней. Иначе чем объяснить его длительные беседы? А они все продолжались и продолжались... Часто в их беседу вклинивалась никотиновая карлица, а потом появилась еще и вторая претендентка на его внимание. Это была самая молодая из коллектива, по прозвищу «Пистолет». Карлицу Он любил позлить, у них начиналось подобие ссоры, она сердилась, он залиvisto смеялся, а она — не карлица, а его собеседница, назову ее Еленой, - сидела, как на иголках. Ах, как ей все мешали быть только с ним!

Удивительная бесцеремонность царила в этом доме. Стоило только этой паре оказаться вместе, как сейчас же любая проходящая «курица» считала своим долгом остановиться и вклиниться в разговор. Одни начинали сообщать им свое настроение, жаловались на одиночество, другие передавали политические новости и пытались с их помощью разобраться в мировых событиях, третьи тархтели какую-нибудь несусветную чепуху, но все они как бы не замечали своей бестактности. О, святая наивность! Трудно предположить, что делали они это специально. А впрочем, кто знает, может быть, и так!? «Пистолет» внедрялась в их беседу еще более бесцеремонно, чем другие. Всю жизнь бывшая «девочкой» - она и к своей старости сохранила кроме стройной фигуры еще и все замашки молодости. Разговаривала капризным, детским голосом, беззастенчиво что-то ото всех требовала, брезгливо опускала вниз углы губ, позволяла себе быть наставницей окружающих, делала замечания, одергивала тех, кто ей не нравился. В присутствии Елены она зачастила делать ему выговоры то за небрежность в одежде, то за не так произнесенное слово, или за то, что он сидит, по ее мнению, в неподобающей приличию позе, этакой... «раскорякой».

По-видимому, ей доставляло удовольствие унижать его в присутствии Елены. А он в ответ начинал подыгрывать этой «шалунье», превращался в застенчивого пингвина, опускал голову, мешковато топтался на месте, пыхтел... Елене делалось неловко за него, не хотелось видеть Его в этой дурацкой, унижительной позиции. Ей чудилось, что — то непристойное в подобных сценах.

В самом деле, чем могла забавлять его эта запоздалая инфантильность? А с другой стороны, Елена так мало знала его. Может быть он чем-то связан с этой нахалкой? Иначе, как могла этому умному, серьезному человеку нравиться подобная пошлость? Может

быть, действительно, эта престарелая «девчушка» является не только соседкой по коридору, а и тайной усладой его старости?

Он жил своей скрытой от глаз Елены жизнью. Встречалась она с ним урывками, да к тому же иной раз встреча и не получалась, по вине окружающих они не успевали сблизиться в беседе. Елена иной раз чувствовала себя, как тот жаждущий путник, у которого выбивают из рук сосуд с водой, не дав сделать ни одного глотка. После такой встречи она уходила с липким осадком чего — то тошнотворного на душе, будто в чем-то обманутая. А он? Был ли он раздосадован? Неведомо!

Однажды, сидя в парке со своими соседками она увидела, как Он и «Пистолет» возвращаются вместе из города. Кровь отлила от ее лица. По-видимому, это была ревность.

«Этого мне еще не доставало», пронеслось у нее в голове. «Да кто я ему? Какое имею право ревновать? И к кому ревновать? Какая все это недостойная чепуха! Пора взять себя в руки! Довольно! Хватит этого романтического бреда!»

Когда она рассказала о своих эмоциях дочери, разумеется скрыв от нее все то, что унижало ее материнское достоинство, дочь воскликнула: «Мамочка, да ты же влюблена! Как это хорошо!».

30-го мая Елене исполнялось 72 года. Шутка ли!! За это время (а прошло всего три месяца!) Он стал ей так близок, что отмечать без него эту дату ей было невозможно. Он пришел с бутылкой чудесного шампанского и букетом сирени. Не поздравив виновницу торжества, он неуклюже сунул цветы почему — то не ей, а дочери и был несколько напряжен. Сели за стол, пили вино, шутили, ели. Постепенно он освоился и так в конце концов разошелся, что даже по разбойничьи свистнул в открытое окно, дабы спугнуть любопытных.

Дочь с внуком торопились засветло домой, он пошел через парк. Елена осталась одна, затем через окно увидела, как он вернулся и сел на скамью. Она, конечно, тут же побежала к нему.

Он был несколько бледен, признался, что крепко опьянел, однако, дурно ему не было и он охотно начал вспоминать свою молодость, свои любовные истории.

Впервые он доверил Елене интимные стороны своей жизни. Выпитое вино возбудило его, дало волю воспоминаниям. Замкнутый скрытный человек, избегавший разговоров на личную тему, он вдруг откровенно заговорил о себе. Елене стал понятнее его характер.

Принципиальный холостяк, за всю жизнь не успевший так полюбить, чтоб жениться — он был законченным эгоистом. Романы с «чужими женами», как он сам шутивно назвал свои любовные похождения, избавили его от моральной ответственности. Длились они - эти романы - в зависимости от его желания, и когда мужская страсть его утолялась, он легко, без переживаний кончал связь с женщиной и спокойно уходил прочь, чтоб найти новую.

По видимому, такие понятия, как нежность, забота, жалость, поддержка, внимание, привязанность — были чужды ему. Так сложилась его жизнь.

Когда кончилась его мужская сила, прекратились естественно, и связи с женщинами. Той подруги, которая осталась бы с ним и в старости не существовало.

Вероятно, в минуты неизбежного ощущения холода одиночества, он утешал себя тем, что свободен, независим, и никто не мешает ему так жить, как ему хочется. А между тем, бывали дни, когда жизнь делалась ему в тягость, мрачные мысли о бесцельности существования превращали его в замкнутого, болезненно вспыльчивого человека. В такие моменты он легко шел на конфликты, бурно ссорился, чувствовал себя обездоленным. Вполне возможно, что если бы у него были дети, то настроения душевного упадка не посещали бы его, ведь родные существа всегда дают человеку сознание, что его жизнь не зря прожита. Оставляя в детях как бы продолжение своего существования, человеку менее горестно покидать эту дивную жизнь на земле, уходя навсегда в неведомое.

Так стала о нем думать Елена. Такие выводы сделала о его характере. И теперь ей стали понятны те странные, ранее ничем необъяснимые дни полного отчуждения, когда вдруг

после теплого общения с ней он делался чужим, холодным, сосредоточенным на самом себе. Елена напрочь переставала существовать для него в эти дни, становилась пустым местом. Ее пугали эти его трансформации и, однажды, попав под внезапный ливень, она зашла к нему и спросила, как ей надо понимать эти дикие перемены в его отношении к ней.

Он за собой этого не замечал, ответил, что плохо себя знает, был даже, как-то озадачен.

Теперь же, после этого доверительного его разговора о себе все стало ясным, и Елена испытала даже подобие жалости к нему. Она видела перед собой человека, изуродовавшего свою жизнь.

В этот вечер они засиделись допоздна в парке и расстались, когда уже спустилась ночь. Взбудораженная его признаниями она плохо спала, вспоминала свою сложную, большую жизнь, полную любви, счастья, падений и взлетов.

В теле бродила темная кровь. Странное, полузабытое состояние. «Я стара» - думала она «но вновь живет во мне женщина». Огонь желаний бурлил, дурманил ей голову. «Кажется я схожу с ума!» - в сладкой истоме думала она, засыпая.

Как весеннее половодье нахлынуло на нее безумие любви!

Она испугалась, твердо решила бежать от встреч с ним, и уж завтра-то, во всяком случае, с ним не видеться, надо охладить себя, надо отвыкнуть от него. На завтра, не раздумывая, как под гипнозом она вновь кинулась к нему. На скамье она сидела, как большая, грузная медведица в своем вязаном белом жакете. Он протянул руку и снял какой-то сучек с ее плеча. Это было первое его прикосновение к ней. Этот легкий, ничего не значащий жест, отозвался звоном во всем ее теле. Ее охватывала любовная лихорадка!

Сегодня она смотрела на его руки, на его губы. Было жарко, говоря он иногда закусывал свою верхнюю губу, проводил по ней языком. С его плеча спустилась рубашка, обнажив грудь и ямку на шее. Это было не дряблое тело старика, а здоровое мясистое чистое тело зрелого мужчины. Как хотелось ей прильнуть к нему губами!

«Безумие, безумие» - твердила она про себя. Могучий зов крови неодолимо тянул ее к нему!

Было ощущение родства двух натур. Она представляла какой это был, вероятно, великолепный, сильный мужчина, раз даже теперь, в его 72 года, он так властно притягивает ее к себе.

Сам же он как-то стал отстраняться от нее. Как будто почувствовал ее состояние и испугался.

Резко отодвигался подальше, одергивал свою руку, если случайно касался ее руки, иногда был суров, даже резок с ней. То замыкался, то вновь был с ней приветлив и общителен. В нем тоже происходило что-то новое. Возможно, простая боязнь холостяка, но хотелось думать, что он испытывает тоже, что и она, но... на это была слишком слабая надежда. В молодости она не привыкла и не умела «завоевывать» мужчин. Обычно те мужчины, с которыми были у нее короткие или длительные связи, сами завоевывали ее. Сперва почти равнодушная, она постепенно, как бы заражалась от них энергией и уж потом в ней возникало ответное чувство. За всю жизнь только один раз с первого взгляда она влюбилась без памяти, испугалась этого, и потому пыталась даже искусственно задержать свое бурно возникшее влечение.

Все это было в те годы, когда чувственной любви не стыдятся, потому что молодость красива и в страсти.

О, как бы она сразилась с ним в любовном поединке в то, ушедшее безвозвратно время! Время своей женской привлекательности и уверенности в победе!

Handwritten signature

А сейчас? Нравилась ли она Ему? Да и могла ли еще нравиться? Как человек, как собеседница — возможно, но не больше.

Правда, один раз на вопрос похожа ли дочь на нее Он уклончиво ответил: «Вы обе красивые». Это могла быть простая любезность.

В этом доме Елену засыпали комплиментами, особенно в начале. Некоторые женщины считали ее самой красивой из них, двое мужчин признались, что любят ее.

«У вас такое лицо...мне хочется всегда смотреть на Вас!» - сказал один из них.

Это было приятно, но не шибко. Елена не доверяла этим оценкам. У нее было собственное, неколебимое мнение о своей внешности, достаточно придирчивое, вполне реальное. Она твердо знала, что если лицо у нее, при всей неправильности черт, иногда и может показаться интересным (много будет сказать — красивым), то уж все остальное...увы! Давно вышло в тираж! Очень полная, с тяжелой походкой старая женщина — вот кто она!!!

И если ее муж, старившийся одновременно с ней, продолжал любить ее и ему нравилась по-прежнему вся она — то это ничего не значило. Она знала, что уже не может считаться привлекательной. Да и не было надобности думать ей об этом, тем более после его смерти. А сейчас она жаждала нравиться этому мужчине, который так внезапно околдовал ее своим обаянием, она чувствовала невозможность этого и страдала.

Начались бессонные ночи, муки неразделенной любви. Она стонала, плакала, кляла свою натуру, и — старая безбожница — молила бога избавить ее от этой мучительной бешеной тяги к своему «кумиру». В молодости, расставшись однажды с любимым, она молила судьбу поскорее приблизить ее к старости, чтоб потерять способность любить, стать спокойной, свободной от своих страстей. Ирония судьбы! Вот, старость наступила, а где же эта свобода?

Могла ли она предвидеть, что в конце жизни вновь закипит ее кровь и подхватит все ее существо эта «чувственная выюга?»

«Природа не терпит пустоты» - существует такое понятие. Так была, по-видимому, создана и Елена, что ее природа, ее женская натура тоже не терпела пустоты.

Вся жизнь ее была наполнена любовью, кончалась одна, возникала другая. Елена не могла жить без любви к мужчине. Не кровь ли ее горячих предков говорила в ней? Должна ли она казнить себя за это? Можно ли считать это пороком? Конечно, это известное отклонение от нормы, вероятно, большинство женщин в ее почтенном возрасте давно выкинули из головы эти страсти и спокойно живут, как добродетельные бабушки... А вот ее покой кончился. Можно ли считать это горем? А может быть, это не горе, а счастье?

Пусть оно сейчас у нее горькое, неразделенное, но все же это счастье! Представить теперь как бы не встретила Его — ей уже было невозможно.

В июне она наметила уехать на месяц в семью. Внук кончил школу, остался один.

Накануне отъезда бессонной ночью Елена написала своему другу громадное письмо.

Утром прочла его, устыдилась и разорвала в клочки. Ограничилась запиской, сообщила № телефона, просила ей позвонить.

Он не пришел с ней проститься и не позвонил, сказав потом, что потерял эту записку при ремонте комнаты.

Он и она жили в разных эмоциональных измерениях, в разных сферах.

Вернулась Елена на неделю раньше, он отсутствовал, ездил на дачу к друзьям. Дня через три вместе со своим бывшим соседом - «Пончиком» - он подошел к ней. Улыбались, обменялись несколькими фразами. Разговор был серенький, мимолетный. Елена плохо себя чувствовала, вновь стала задыхаться, пожив три недели в центре.

Июль прошел очень сдержанно. Она решила взять себя в руки, применила всю свою волю, не искала встречи с ним, иной раз только смотрела на него издали то в столовой, то в кинозале. Уж в этом она не могла себе отказать. Он как будто делал все для того, чтобы разочаровать ее в себе. Много говорил о своих болезнях, своей старческой несостоятельности, не отличался вниманием к ней, не искал ее.

Иной раз ей казалось, что поступает он так сознательно, чтобы не разжигать ее влюбленности. Но понимал ли он, что с ней происходит? А иногда ей казалось, что она просто перестала интересоваться его. Поэтому она то грустила, то тихонько посмеивалась. Для окружающих она была такой как всегда — в меру шутливой, в меру разговорчивой, да и он никак не мог упрекнуть ее в какой-либо несдержанности. Нет, она имела волю, и здравый рассудок постепенно возвращался к ней.

Но неизменно Он оставался для нее самым желанным, самым дорогим человеком. Дочь на первом месте, потом Он и, наконец, внук. Такая из нее получилась бабушка!!!

На август он уехал путешествовать. Она старалась не тосковать, заполняла свои дни чтением, прогулками в парке, навещала ее друзья, несколько раз приезжала дочь.

Наступил день Его возвращения, и он подарил ей шесть часов беседы!. Сперва сидели они на галерее, потом пришел он к ней пить кофе. День был дождливый, а на душе у Елены сияло солнце. Она была с ним равна, приветлива и глубоко счастлива. Но выйдя из санузла так старалась появиться в комнате непринужденно и изящно, что конечно перестаралась, случайно зацепилась носком тапки за край ковра, и как столб, плашмя, грохнулась к Его ногам. Описать выражение Его лица невозможно! Он кинулся ее поднять, но она решительно отказалась от его помощи, так как с одной стороны, знала свой грандиозный вес — и ее, пожалуй, мог легко поднять разве что только строительный кран, а с другой стороны, боялась, как бы он не заподозрил ее в умышленном падении. Ведь в старинных романах героини прибегали к таким уловкам, дабы герои поднимали их на руки, что облегчало им сближение. Нет! Нет! - решительно отстранила она Его, и перевалившись на бок, встала на четвереньки, высоко выпятив свой внушительный зад и кричась, наконец, поднялась во весь рост. Кости были целы. «Так тебе и надо, старая Джульетта!» - злорадно подумала она про себя, а на следующий день смеялась до слез, вспоминая этот конфуз. Он же, голубчик, так был взволнован, так мил, так серьезен!

Вторично, он был у нее на совместном обеде в одну из сред. Смеясь, она предупредила его, что падать больше не будет! На этот раз он был малоразговорчив, печален.

Она хлопотала вокруг него, с удовольствием смотрела, как он ест. Ей было уютно, спокойно на душе. Его визиты согревали ее. Всю жизнь был рядом с ней какой-нибудь близкий мужчина. Она не могла быть одной.

Сейчас она уже усмирила свои страсти и теперь ей была нужна только Его дружба, дающая уют, добро, взаимопонимание. Она уже твердо знала, что ее «кумир» ценит только свою свободу и независимость, боится быть чем-либо обязанным ей, и потому, чтобы не потерять Его окончательно, она решила встречаться с ним как можно реже, не обременять его своим вниманием, ничего не ждать от него, ни в чем не упрекать.

Пусть же хватит этой неугомонной женщине сил именно так себя держать! Иногда она грустит, особенно когда он в городе, и окно его комнаты темное, но как только свет

Ноябрь 1979г.

загорается — ей делается сразу веселее. Он жив, он здесь, может-быть он захочет побыть с ней. Сильным женщинам живется труднее, чем слабым — они предоставлены самим себе. Мужчины поддерживают, чаще всего, слабых женщин. А Елена и в старости не из слабых. Но как бы были уместны Его моральная поддержка, Его внимание к Елене, на виду у всего «курятника», в котором каждый ее шаг подвергается иной раз злой критике или пошлым насмешкам. Впрочем... пора ей быть рассудительной. Нечего ждать того, чего нет! Она благодарит судьбу за эту последнюю свою любовь. Благодарит свою натуру за способность всегда быть счастливой.

Пусть же не гаснет свет Его окна!

Вот, такое саморазоблачение необходимо мне для освобождения, для очищения.

Я верю в нашу высокую дружбу,
в Дружбу достойную нас.
Она впереди!

Е.

«...но мне порукой Ваша честь...»
А.С. Пушкин

февраль 1980г.
1 год после приезда в ДВС.